10 лет без СССР

Роман с театром

28 июля «Известия» начали публикацию фрагментов из книги известного театрального критика и историка Анатолия СМЕЛЯНСКОГО «Уходящая натура». Сегодня мы печатаем следующие главы. Они посвящены тем, кто всегда остается за кулисами театра, но придал ему не менее артистов, — администраторам.

Великие доставали

Звания заносили в основном от «конторы» (так в этом театре именовали с легендарных времен администрацию театра). «Контора» начала 80-х состояла в основном из людей, которые здесь окопались задолго до Ефремова. Из новой команды выделялся Леонид Осипович Эрман, который пришел за О.Н. из «Современника». Именно Л. Эрман по высшему званию обладал в доме на Хорошевском шоссе (мы тогда были соседями), чтоб уговорить меня возглавить дирекцию МХАТа. По тому разговору я понял — и не раз не имел повода убедиться в обратном, что Ефремов имеет предпоследнего человека. Этого человека «контора» для поездки Дирекция, в состав которой он был внедрен, состояла целиком из матерых сталинских соколов. Многие из них были великолепными работниками, нестандартными организаторами, рожденными жесткой эпохой.

Директоротовская Константин Алексеевич Ушаков. Он был из выжившего, его знаменитое «помните» горько подчеркивало социальное происхождение. В юности был электриком в театре, пытался поиграть спортом, был хорошим велосипедистом, даже мастер-класс имел. Жизнь открывала перед ним разные соблазнительные пути, но по прихоти советской судьбы попал в магический круг театра. Летом 82-го годы мы оказались с ним вдвоем в Бухаресте посылали режиссеров для румынской пьесы), и вот так Константин Алексеевич поведал мне свою жизнь. Настроение у него было неважное, начальство ефремовской МХАТ не вдохновило, и Константин Алексеевич с грустью вспоминал утраченные возможности. Оказывается его, электрика и велосипедиста, в конце 30-х приглашали работать в органы, а он, дурак, выбрал культуру. В октябре 41-го года в условиях паники и прорыва немецких танков грядиститетского Ушакова назначили начальником упраздненного ровно на месяц искусств при Московском горисполкоме. Это была огромная должность, и с тех пор он никогда не выходил из номенклатурного круга. В МХАТ СССР он пришел лет за пять до Ефремова, сформировал свою «контору», которая многое определила в провале всей ефремовской перестройки. Ефремовы он до смерти боялся, слова поперек не мог молвить, но в глубине души тосковал по иным славным временам, когда МХАТ СССР действительно был неотъемлемой частью номенклатурной жизни, которую он по умолчанию считал единственно достойной. В Бухаресте, задыхаясь от чудовищной жары, обрядившись в черный костюм и галстук, он вдруг произнес тоскливую и загадочную фразу «Да, тяжело там сейчас нашим, в Четвертом управлении». Вдох Константина Алексеевича имел метафизический смысл, сформулировать [illegible] словесного аппарата.

За годы ефремовского правления дух сталинского МХАТа был затоптан в подполье, но не уничтожен. «Контора» оказалась сильнее. Славнейшими представителями той «конторы» были Андрей Алексеевич Белокопытов и Виктор Лазаревич Эдельман, два ушаковских зама, антагонисты. Эрмана и мои соседи по коридору на пятом этаже. Этот пятый этаж, так же, как и все здание на Тверском с орденами на фронтоне, больше напоминал обком партии, рейхсканцелярию или роскошный крематорий, чем театр. В каждом теперь сидели режиссеры